

Леонид Леонов

ПИРАМИДА

(Роман-наваждение в трех частях)

Издатель «Андрей Ельков»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Л47

Леонид ЛЕОНОВ

Л47 «ПИРАМИДА. Роман-наваждение в трех частях».

Издатель «Андрей Ельков», М., 2018, 856 с.

ISBN 978-5-906254-46-7

«Пирамида» – последняя книга классика русской-советской литературы Леонида Леонова, над которой он работал более сорока лет (до последних дней своей жизни).

«Пирамида» – почти бесконечный путь, где за каждым поворотом новые неисчислимые, выворачивающие разум, перекрестья. Идешь им иногда, словно в душном бреду, иногда, словно в прозрачном сновидении, порой, словно ведомый кем-то, порой, напрягая все силы разума, дабы не заблудиться – и неожиданно выходишь на страшный пустырь размером в человеческую душу...

Для любителей литературы.

Леонид ЛЕОНОВ

«ПИРАМИДА. Роман-наваждение в трех частях»

Переплет, верстка *Андрей Ельков*
Формат 70x100 1/16. Тираж 1500 экз.
Печать офсетная. Бумага офсетная.

e-mail: elkov_andrey@mail.ru
<http://www.elkov.ru>

ISBN 978-5-906254-46-7

© Леонов Л., наследники 2018
© Издатель Ельков А., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Загадка ... 7

Забава ... 327

Западня ... 539

Глава I

Не рассчитывая в оставшиеся сроки завершить свою последнюю книгу, автор принял совет друзей опубликовать ее в нынешнем состоянии. Спешность решения диктуется близостью самого грозного из всех когда-либо пережитых нами потрясений – ведроисповедных, этнических и социальных – и уже заключительного для землян вообще. Событийная, всё нарастающая жуть уходящего века позволяет истолковать его как вступление к возрастному эпилогу человечества: стареют и звезды.

Однако наблюдаемая сегодня территориальная междоусобица среди вчерашних добрососедей может вылиться в скоростной вариант, когда обезумевшие от собственного кремешного множества люди атомной метлой в запале самоистребления смахнут себя в небытие – только чудо на пару столетий может отсрочить агонию.

Из-за недостаточной емкости памяти людской события угасающей поры хранятся ею в тесной упаковке мифа или апокрифа, вплоть до иероглифа. Громада промежуточного времени, от нас до будущих хозяев омолодившейся планеты, уплотнит историю исчезнувших предшественников в наконец-то прочитанный апокриф Еноха, который объясняет ущербность человеческой природы слиянием обоюдод-несовместимых сущностей – духа и глины. Гүлкое преддверие больших перемен надоумило автора огласить свою, земную версию о том же самом на страницах предлагаемой книги.

**Автор
21 марта 1994 года**

Поздней осенью предвоенного года меня постигло очередное огорчение ремесла с мотивировкой, сулившей на сей раз наихудшие последствия. В письме вождю, объясняя уже состоявшуюся премьеру опальной пьесы передоверием театра к литературному имени автора, последний просил взыскивать с него одного. Неделю спали не раздеваясь, в ожидании ночного стука в дверь, поневоле мирясь с тишиной, пока опережают более срочные кандидаты на возмездие и длится сезонно-ведомственная перегрузка.

Опасаясь заразить друзей самой прилипчивой и смертельной хворью лихолетья, сидел в своем карантине до поры, когда вдруг потянуло отдохнуть от судьбы. После нескольких проб наудачу наметился постоянный маршрут вылазок за горизонт зримости.

Стояла туманная погода с таинственно призывающей миражностью. Потрамвайно, с пересадками ехал до последней остановки и потом вдоль всяких новостроек, обреченной на снос деревенской ветоши и зеленых заборов птицефабрики, мимо пустыря с горелыми бараками; и, помнится, сквозь знобящий зуд, смрад и лязг дорожных машин выходил наконец в морозящий загородный простор. Для надежности еще чуток тащился по раздолбанному грузовиками проселку, чтобы у сворота на Старо-Федосеево подняться на высокую насыпь древнего, царской булыгой крытого тракта, уводившего во глубину сибирских руд и дальше – еще страшнее. Отсюда полчаса ходьбы до облюбованного мною уголка на земле.

Так, к сумеркам, добирался я до старинного, в черте окружной железной дороги Старо-Федосеевского некрополя. Основанный в екатерининскую пору, он стал у москвичей заветным местом для раздумий о потустороннем, а там, глядишь, и самого погребенья, где вдали от городской суеты, под сенью раскормленной сирени и среди скромных современников покоились со своими супругами забытые ныне столпы отечественной коммерции, медицины, адвокатуры и сцены, а также их усопшие малютки. Снаружи к дремучему тамошнему древостоя примыкала опрятная березовая рощица, освоенная окрестными жителями под бытовую надобность выходного дня. Подтверждалось, как обожает молодая жизнь резвиться у гробового входа. К шелесту палого листа под подошвой то и дело примешивался хрустящий отзвук недавних гулянок, компанейских общений с возлияниями. Здесь, на пяточке моей пустыни, под утешный скрежет битого стекла кружил я, слагая мысленное, с отказом от ремесла, послание потомкам.

Меня приманил слабый загадочный свет меж обнаженных ветвей в глубине. Через подвернувшийся лаз в кирпичной кладке кладбищенской ограды с холодком в спине двинулся я на ощупь среди крестов и статуй. Удача вывела меня к древнему храму, смутно белевшему сквозь изморось под пологом низких лохматых небес. Судя по благостному сиянию в глубине оконных амбразур, там внутри шла прощальная ве-

черная служба. В воображении моем косяком вытянутая на восток, обитель мертвых удивительно походила на корабль перед уходом в невозвратное плавание. Всё было готово к отплытию: провожатые давно разошлись, пассажиры мирно почивали по каютам. Стая предзимнего воронья шумно кружила над погостом, устраиваясь на ночлег, словно ветер иной, запредельной непогоды клочкотал в черных рваных парусах. И уже на паперти опознанный отрывок церковного напева отозвался во мне гулом целительных детских воспоминаний, и не было сил сопротивляться их властному зову. Не обошлось без колебаний, как могло состояться богослужение в храме, закрытом две пятилетки назад ввиду упразднения православного кладбища под центральный стадион с воинствующим на фронте девизом безбожья: в здоровом теле здоровый дух, который по Ювеналу, кстати, достигается лишь упорной молитвой богам. Вдруг мнимая палуба качнулась подо мною. В запасе еще оставался целый миг для бегства, но одержимость моя оказалась сильнее непонятого страха.

Я перешагнул порог и, отойдя в сторонку потемней, огляделся.

Всенощная подходила к концу, и близился тот умиротворяющий момент, когда корабельщик в алтаре поручает Всевышнему довести его утлое суденышко на вечное пристанище *вскрай* моря.

После знобющей осенней мглы в лицо повеяло приветным теплом горящего воска. Храм представился мне просторнее своих истинных размеров за счет полупотемок и той гулкой тягостной пустоты, что наступает в таких зданиях перед уходом божества. Два мощных столба сводчато подпирали нависавший сверху сумрак ночи. Чем жарче вера, тем проще требуется ей жилище; невеселая скудость сияла вокруг. Осенняя сырость сползала из дырявого купола, и ветерок запустенья раскачивал пламя свечей. Некому стало залатать кровлю, прибрать сизый и плоский, невесть откуда взявшийся и как бы приступкой служивший камень у подножья колонны. Апостолов и патриархов на фресках виднелось больше, чем молившихся внизу понурых богомолок. Теснимые плесенью праведники на верхних ярусах по частям покидали обреченную обитель. От иных только и сохранилось – осеняющее троеперстие, развернутый свиток в руке, клочок святительского омофора. Уцелевшие, похоже, вопросительно, как в неминучую судьбу свою, вслушивались в доносившийся к ним с левого клироса чистый, глухим стариковским дребезжаньем сопровождаемый, девичий дисканток, потому лишь на той серебряной ниточке и удерживался весь корабль у причала. Трудно было уловить смысл исполняемого ирмоса, звучавшего подобно *вокализу*, куда каждый вправе вкладывать *свое* содержанье. Пленительный голос принадлежал совсем юной девушке в венчике из плетеных косичек. Ей вторил старик в округлой, неухоженной бороде. Втроем со священником в алтаре они составляли церковный пришт бывшего старофедосеевского погоста.

Поющая девочка на клиросе сразу привлекла мое вниманье. Худенькая и простенькая, она могла показаться дурнушкой, не мне однако. Сияние пылающих свечей близости придавало юной певице призрачную ореольность, усиленную наброшенным с затылка газовым шарфиком. Кроме того, во всем ее облике читалась та кроткая, со скорбной морщинкой у рта отрешенность от действительности, возмещаемая ранним прозрением вещей, недоступных ее ровесницам, что в простонародной среде всегда служила приметой особого благоволения небес, а в науке – проявлением душевного расстройств. Время от времени, склонив голову на бочок, она не по возрасту озабо-

ченно внимала кому-то прямо перед собою, и я осторожно сменил место – узнать, кто ее незримый собеседник.

Сквозь плавучее свечное мерцанье виден был по каменному своду колонны изображенный в полный рост, узкоплечий, скорее долговязый, нежели просто высокий, и чем-то не по-земному привлекательный юноша; и хотя без обычных примет небесности, сразу в нем опознавался ангел. Непостижимо, как было ему канонически дозволено вместе с высшими чинами архангельского звания оказаться на церковной фреске дальше паперти, где по обе стороны от входа белоснежнокрылатые вестники записывают на длинных свитках имена нерадивых прихожан, досрочно покидающих богослуженье. В отличие от них здешний был в холщовой по колено рубахе, и с опояски на ремешке у него свисала связка крупных старинных ключей, что указывало на охранительную должность у загадочной, нарисованной позади него, на мощных петлях, кованой двери – входом неведомо куда. Какая-то сокровенная эпопея из тех, что заслоняются от нас шумной повседневностью, разыгралась тут незадолго до моего прихода. Она еще излучалась из самих стен, словно проходящая звезда начинила всё кругом своим сверканьем и заодно породила певчую девочку и ангела навек в некоем нездешнем качестве. По тогдашнему настрою моему недружно было увидеть, как, чуть отслоившись от колонны, он молча, вполборота, по странной птичьей повадке – сверху вниз, произнес подружке не услышанное мною слово, в ответ на которое она обронила такую же рассеянную и неразгаданную улыбку... И тотчас, повинувшись навыку ремесла, я поднял свою чудесную находку. Вряд ли поток нагретого воздуха от горящих свечей мог шевельнуть широкий рукав ожившего ангела, причем явственно звякнули ключи от затаившегося здесь клада. Меня пронзил озноб откровения.

Предвестье желанного недуга вытеснило недавнюю горечь, превращаясь в тугое бесноватое пламя. Напрасно прежние, в порядке очередности созревшие души не написанных книг ломались из меня наружу, как из горящего дома. Им приходилось посторониться, пока через кончик пера, как по трапу, не сойдет на бумагу скромная, с веснушками и в ситцевом платице, снаружи ничем для глаза не примечательная девочка со старофедосеевской окраины. Отсюда смутная, пока столь заманчивая на дальнем прицеле и, оказалось впоследствии, неосуществимая тема размером в небо и емкостью эпилога к Апокалипсису. Мне предстояло уточнить трагедийную подоплеку и космические циклы большого Бытия, служившие ориентирами нашего исторического местопребывания, чтобы примириться с неизбежностью утрат и разочарования, ибо здесь с моей болью обитал я.

Хмурое небо конца тридцатых годов со зловещими тучками еще худших потрясений на горизонте не располагало к живописанию подлинной, тогдашней действительности, полностью осознанной современниками лишь к концу столетия.

Невзирая на осеннюю непогоду, я заладил таскаться в храм чуть не каждый вечер. Мне не везло. Кроме имени, за целую неделю только и удалось разведать, что Дуня моя доводилась дочкой тамошнему батюшке, квартировавшему в черте кладбищенских владений. Из облюбованного уголка с видом благоговейного усердия слушал я доносившееся из алтаря его молитвенное бормотанье, пока не привлек к себе вниманье приметливых старушек: случалось и на паперти под мелким дождиком безнадежно караулить свою удачу. Из-за нерешимости моей подойти для знакомства всякий

раз девочка успевала сбежать мимо меня по ступенькам, под накинутой поверх головы ветошкой, и с легким шелестом исчезнуть в морозящей мгле.

С запозданием пускался вслед, но мраморные истуканы и кресты на могилах ловили меня в объятья, железные решетки цеплялись за плечи, деревья кропили водою, ветками хлестали по лицу: мертвые жалели Дуню и оберегали ее, как могли, от людской огласки. Всё же посчастливилось однажды прорваться сквозь их враждебный строй на опушку кладбищенской рощи. Погода чуть разветрилась, и молодой месяц на минутку высветил опрятную продолговатую поляну и уединенный, на дальнем конце, в окружении хозяйственных пристроек, приземистый, со ставнями и мезонином домик причта, куда скрылась беглянка. Догадка, что собак на кладбище не держат, повела меня напрямиком на освещенные окна, отражавшиеся в просторной луже от вчерашнего ливня. Из предосторожности я двинулся к цели сторонкой, по еще влажной высокой траве, и тотчас скрипучий голос из палисадничка подтвердил, что не иначе как нечистая сила понесла меня в обход мощеной тропки.

Хромая, побрел я к обозначившейся в сиреневых зарослях скамейке, где в ошметках на босу ногу, с моряцким бушлатом на плечах сидел знакомый по клиросу старик. Подпершись локтями в колени, видать, по минованьи *недуга* и за неимением чего покрепче похмелялся всухую пряным листовым настоем предзимья.

– Считай, пофартило тебе, любезнейший, – распрямляясь, заметил Финогеич. – Давно слежу, как ты путляешь. Закрывают нашу лавочку! Вот, бывший *погребало* – сижу на чистом воздухе, отдыхаю от жизни своей. Третьевось исторического покойника доставали, на новую квартиру перевезли: певец свободы, сказывали. Глубокий раскоп оставили, засыпать не стали: всё едина – на снос!

– Чего же не окликнул, чудило? – в поддержание знакомства по-свойски упрекнул я. – Впотымах долго ли было и башку сломить.

– А я со скуки! Гадал, минует тебя судьбица либо в самый раз угодишь. Соображаю, нашему брату, который *вытимиши*, тому любая ямина не повредит. А коли не спяну, пошто к ночи притащился? Ежли грабить, то и со счету сбились, сколько разов грабленые!

По внезапному наитию я назвался сотрудником ходовой вечерней газетки: собираю крупицы истории, рассыпанные по плитам столичных некрополей. По вечернему часу любое объяснение звучало столь же правдоподобно. Во укрепление знакомства я протянул ему жестянку с трубочным табаком и осведомился: не курит ли?

В подозрении – не ловушка ли, не подкуп ли? – старик не торопился с ответной благодарностью:

– Кто же от угощения отказывается, – усмехнулся он, делаясь местом на скамье и с запасцем забирая щепотку, бумага нашлась своя. – При неполном нашем питании курево составляет существенную вещь. Сеял я его, табачище, в позапрошлом сезоне, неважный у нас родится... больно сладостен, а силен, до сажня вымахивает! Местность наша богатая...

Он принялся раскуривать даровую, в мизинец толщиной сигарку. Пока горела спичка, у меня было время подробней рассмотреть предлагаемого мне судьбой благодетеля. В придачу к черной, без сединки, бороде был он такой рябой, что нельзя было долго смотреть на него без утомленья, зато в глазницах светилась та прозрачная доверчивость, какую русская сказка приписывает лесной блазне.

– А вообще-то для покойника грунты здесь на редкость благоприятные, – продолжал он, затянувшись в ту полную силу, когда, по народному присловью, из-под ногтей дым идет, – желтый песочек по самую глыбь: ровно в материнском объятии лежи-полеживай... Кабы солнышка вдобавок! Знать московская тут похорониться стремилась. Русский купец предпочитал привозные мрамора, итальянские. Уже в ту пору, сразу после флота, обрядился сюда по нашему помиральному ведомству, тому сороковой годок пошел; тогда почти на каждой ямине стояла фигура прискорбного содержания: слезы проливающая дева над разбитым кувшином либо ангел, трубящий пробуждение мертвых... Не подумайте, что жалею, либо на Бога ропщу. Вот и при церкви нахожусь, а ведь не шибко верующий... Не в том смысле, что их вовсе не существует. По моему разумению, ангелы, как и бесы, почти те же люди: снаружи не отличишь, но хотя, несмотря на всею науку, в людском облике и действует промеж нас, а непохожие...

– В чем же, в чем же они непохожие? – бережно, чтоб не спугнуть удачу, дважды коснулся я заветной струны.

– Да как тебе пояснее выразить... С виду они обыкновенные, кепочка-шляпенка чуть на бочок, скромное пальтишко с зимним проветриванием, а от холода не дрожит! Сущий холостяк, а прибранный да ухоженный. Опять же, будучи под запретом пользоваться на себя без крайности господною благодатью, а даже без пищи обходится, разве только иногда для виду изюмцу поклует. Словом, совсем двойной, а вся прочая сноровка людская. Далеко искать не надо; совсем недавно один такой, заблудившийся в здешних дебрях и весь в глине закостенелый, как раз на сей скамейке, где ты сидишь, беззвучно слезу обронил о своей участи на чужбине, если не считать землю местом его лишь временной деятельности...

– От одиночества, что ли? – тоном безразличия спросил я. – Почему бы чудяку не войти в близкие отношения с подходящей девицей как из хозяйственных соображений, так и для совместного проживания? – И в ответ получил как раз ожидаемое опровержение догадки, что по бессмертию своему публика эта избавлена от земного воспроизводства себе подобных.

– Видите ли, в общем устройство их такое, что всем наделены, окромя глупостей, – намекнул Финогеич. – Какое будет ваше мнение на сей счет?

Я присоветовал старику обратиться письменно через газету к видному ученому по данной отрасли и другим пережиткам старины, некоему Шатаницкому, который повсюду, вплоть до отрывных календарей, опровергал обывательские суеверия.

– Слышал я, слышал про Шатаницкого, главным атаманом у безбожников числится... Башковитый господин, обходительный, и пуще всех студентов Никашку, сына моего, приглубил. Неча сказать, подобрал себе младенца понянчиться на досуге! То пособие схлопочет, то еще что, а только сдается мне – темнит проклятый!..

Нам тогда обоим и в голову не приходило, что кто-либо из домашних за спиной у нас, нечаянно выйдя на крыльцо, слышал происходившую беседу. Покашляв с предостерегающим значением, батюшка удалился, а тотчас появившийся на смену годков тринадцати отпрыск, по имени Егор, зловещим тоном оповестил собеседника: что его *папаша кличут*.

Надежды мои рушились в полном разгоне. Старик поднимался с явным смущением по поводу предстоящего разноса. Неохотно всходил он на крыльцо, брался за

железное кольцо на двери вместо нынешней скобки. Чуть спустя, следом за ним, подобравшись к окну, я заглянул вверх занавески.

Цветные лампы блаженно сияли в углу, пар от самовара весело стелился по низкому, меловой бумагой оклеенному потолку. За чайным столом налицо находилось всё лоскутовское семейство. Дуня шептала что-то смешное на ушко матери, уважаемой Прасковье Андреевне, которая протягивала налитую чашку угрюмому молодцу сверхплотного телосложения с избыточной, свисавшей на лоб прической. Встретясь с таким по ночной поре, любой без раздумий поделился бы с ним своим имуществом. Потом оказалось, то и был единственный сынок Финогеича, который с повинной головой, спиной к изразцовой печке, как раз выслушивал от священника обстоятельную нотацию о вреде празднословия с заходящими людьми.

Также хватило времени рассмотреть кое-какие подробности небогатого их жилища: вышитое цветными пряжами *Поклонение Волхвов* на стене, иконы с зажженной лампадкой в углу, вазон с крашеным ковылем на книжной этажерке, канарейку в клетке над фикусом. Не дочка, как следовало ожидать по ее болезненной чувствительности, а мать раньше прочих учуяла соглядата под окном. Произошла маленькая суматоха, после чего выскочивший наружу тот глыбистый парень забываемым голосом опросил с крыльца, кому не терпится отведать здешнего гостеприимства. Задержишься я лишнее мгновенье, знакомство наше с милейшим Никанором Васильевичем случилось бы при куда менее благоприятных обстоятельствах, нежели две недели спустя... Кстати, нет способа вернее попасть в яму, как поспешно избегая другой... Не сомневаюсь, Дунины покровители помогли мне оскользнуться посреди поляны в дождевой луже со льдинкой первого заморозка... По счастью, яма оказалась не глубже пояса, иначе дальнейший розыск пришлось бы отложить до выздоровления.

За воротами, чуть отряхнувшись, я взглянул в зенит над собою. В небе тесно, на расстоянии коробка спичек, две звезды зловеще сияли прямо над головой в ожидании, к маю, третьей, красной, что знаменовало крушение цезаря и великой державы в конце предстоящей войны, о чем пока никто в мире не подозревал.

К сожалению, и позднейшие мои попытки дознаться истины разбивались о настроенное сопротивление старофедосеевцев. После полученного нагоняя Финогеич, начисто утративший былую словоохотливость, вовсе не поддавался ни на сухумский табачок, ни на бутылку плодоягодной, случайно отыскавшуюся в моем портфеле. Сам о.Матвей, когда я дружественно и как бы в полшутку обратился с просьбой о консультации для задуманного сценария из жизни ангелов, в ответ только головой покачал.

– Не к лицу вам, сударь мой, – укоризненно произнес священник, – при полуседых-то висках сущими пустяками заниматься! В то время как смиренный народ наш уже который годок любовно, не покладая рук воплощает бессмертное сочинение Карла Маркса и его великих сподвижников, – всю тираду свою он вымахнул мне в одно дыханье, не поперхнувшись.

Подобной же неудачей завершилась и моя атака на младшего поповича Егора, беспатентно практикующего починкой примусов, зонтов и радиоприемников, вдобавок, как оказалось впоследствии, злостного мудреца в отношении современности. Единственно за попытку подарить ему на память альбом редких почтовых марок, без дела завалившийся у меня со школьной поры, надменный отрок лишь язык показал

человеку втрое старше себя, чем подтверждалось сугубо неправильное воспитание молодежи и в духовной среде. Точно так же не повезло мне и с *матушкой*.

На неделе выпал погожий среди дождливой осени денек, когда, прогуливаясь в тамошних местах, я по той же оказии очутился под заветным окошком домика со ставнями. Слышно было сквозь открытую форточку – кто-то напевал вполсилы бесхитростную с напевом, как баюкают ребенка, домашнюю песенку. С замираньем сердца опознал я надтреснутый, пусть ни разу не слышанный голос Прасковьи Андреевны. За работой и, видимо, в одиночестве, на руку мне, она в неумелом стишке изливала свои потаенные думки. По отсутствию соблазна для воров все двери в доме ждали меня настезь. Из-за спешки я опрокинул какую-то бадью в потемках сеней. Прихватив неотлучное вязанье и насколько позволяли опухшие ноги, матушка заспешила на шум моего вторженья. Лишь позже сообразил я возможные последствия для насмерть перепуганной старухи, завидевшей незнакомца во мраке дверного проема. Примечательно, не в глаза, а на руки мне смотрела она и, значит, только внушительный портфель с данайскими дарами помог ей успокоительно истолковать мое поведение.

Из дрожавших пальцев выскользнувший клубок шерсти покатился под комодик, и поднимать его обоим стало некогда. Как ни старался я словесно и мимически выразить глубокое удовлетворенье по поводу состоявшегося знакомства, на все мои настоятельные доводы поделиться кое-какими сведениями о любимой дочке без дурных для нее последствий, старуха упорно ссылалась на отсутствие у них в семье миллицейских приводов и судимостей. Так, со взаимным бормотаньем ходили мы вокруг накрытого к обеду стола, пока сиплая кукушка из часов не призвала просителя к благоразумию... Надо считать удачей, что на обратном пути возвращавшийся с Дуней Финогеичев сынок встретился мне уже за пределами кладбищенской территории, причем его костоломная громада вразвалку проследовала почти вплотную к местной трансформаторной будке, за углом которой я как раз читал *случившуюся* в кармане газетку, невзирая на плохое освещение.

Глава II

И тут в крайнем расстройстве, по дороге домой, надоумился я толкнуться в пятую, самую запретную для меня дверь профессора Шатаницкого, который по словам Финогеича, отечески поддерживал сына во всех его нуждах, а тот, вместе с отцом жительствуя по соседству в домике со ставнями, наверно, был в курсе всех семейных событий бывшего священника Матвея Лоскутова, что и открывало мне прямой выход на желанный для меня клад. Сам покровитель значился директором таинственного учрежденья с названием, почти не поддающимся беглому произношению – «Институт прикладных, проблемных и прелиминарных систематик», которое выглядело защитной маскировкой явно оборонного объекта. Торопясь скорее приступить к делу, куда не охладело намерение пробиться сквозь стенку запретности, я вошел в первую попавшуюся телефонную будку. И, видимо, пока с трубкой в руках раздумывал, добуду ли в справке секретный номер Шатаницкого, машинально раз-другой крутанул диск автомата, и сразу по вопросу с упоминанием Шатаницкого понял,

что я уже прорвался по назначению. И не успел я намекнуть, что литератор такой-то нуждается в срочной консультации профессора по его специальности, как получил ответ: «Да, мы уже знаем». И мне лестно было услышать, что и на академическом Олимпе знают о моем существовании. Но тут же приветливый женский голос, как бы на всякий случай, поспешил предупредить, что профессор не сможет принять меня в ближайшие полтора месяца ввиду длительной заграничной поездки по ряду университетских городов. И лишь по смиренному молчанию моему убедившись в серьезности моих намерений, секретарша ободрила меня сочувственной скороговоркой, «что если ваша тема не терпит отлагательства, то профессор успеет до отъезда послезавтра в десять у себя в институте уделить вам целый час и даже полтора, если потребуется».

Несомненную удачу мою несколько омрачали и заранняя осведомленность о моем визите, и быстрая смена отказа согласием на аудиенцию, и кое-какие лишь теперь осознанные странности того же плана позади. Время от времени, несмотря на основную нагрузку, он профессор публиковал в журналах трудные, но тем более до жути пронзительные обзоры очередных и покамест незримых реальностей мироздания, снискавших ему у благодарных читателей репутацию корифея всех наук.

За ним и раньше замечались причудливые склонности, вроде появляться в разных, но сразу опознаваемых обликах, или исчезать, растаяв в воздухе, не простая. Но тут бесчисленную рать его почитателей, жаждущих любой утешки от эпохальных переживаний, буквально сразила внезапная, в захолустном листке и мелким шрифтом напечатанная сенсация, будто кумир их, трижды и одновременно, в один и тот же день и час, пребывав на международном конгрессе любителей-ихтиологов, с букетом возле самолета с только что прилетевшей заокеанской делегацией и в юбилейном президиуме какого-то почтенного хрыча смежной специальности. Однако, по мнению явного клеветника под чисто бесовским псевдонимом Бубнило, абсурдная чушь объяснялась не присущей гениям рассеянностью, а скорее прямой принадлежностью к высшему разряду inferнальных существ, обычно к ночи не упоминаемых. И лишь в самом конце доносного фельетона иносказательно намекалось, что пресловутый Шатаницкий, он же Шатайницкий, он же Шайтаницкий в действительности является не только нынешним резидентом преисподней на святой Руси, но и видным участником знаменитого ангельского мятежа против небесного самодержавия, после чего начались время, история и люди.

Догадка его строилась не только на сказаниях древности и на сомнительной тактике нашего отечественного атеизма, который, пытаясь упразднить всевышнего посредством умерщвления священников и осквернения алтарей, ни разу теми же средствами не посмел хотя бы замахнуться на его противника, не оттого ли, что всевластные главари утвердившегося режима втайне видели в нем соратника и ветерана с революционным стажем, стократно превышающим совместный диверсионный опыт всех активистов насильственного счастья.

Кстати, в своей недавней и шумевшей книге «Разоблаченная космистика», написанной на случай возможных анкетных затруднений впереди, означенный корифей так убедительно, приемом обратной диалектики, разгромил невежественные суеверия старины, себя самого в том числе, что я уже не верил в его собственную оккультную сущность.

И отправляясь к нему в адскую дыру за лоскутовским кладом, намеревался заодно пристально оценить возможности ее хозяина, с целью пристроить его на вакансию в будущем сочинении в качестве эзотерического персонажа.

Тогда, в то время, я еще не знал, что каверзная, уже слагавшаяся тема, вода по бумаге моим пером, через столько лет, день за днем, порой по букве в час, позволит мне определиться на циферблате главного времени – откуда и куда мы теперь – но и раскроет логический финал человеческого мифа.

Адская дыра Шатаницкого помещалась на шестом этаже засекреченного института в длинном коридоре с книжными шкафами, куда меня без пропуска, лифтом доставила молчаливая девушка с неразборчивым лицом. В ту же минуту из деканского кабинета, броском, не менее дюжины вырвалась горстка перепуганных старичков, торопившихся скорее убраться домой, что служило дурным предзнаменованием. Дверь оставалась открытой, как приглашение, и, признаться, не без трепета в подколенах переступал я порог, готовясь увидеть длинного черного мужчину в глухом до ворота казинетовом сюртуке с леденящим зиянием во взоре. Вопреки ожиданиям, сидевший за столом корифей оказался неожиданно мелковатым, уже запенсионного возраста, но еще подвижным и даже вполне домашним, только почему-то с незапоминающимся лицом, пригодным на любую уважаемую должность от архивариуса до библиотекаря, деятелем в двояковыпуклых очках, который пристально и вдобавок через лупу изучал, если мне не изменяет память, обыкновенный кусок пемзы. Не отрываясь от занятия, он дружественным жестом указал мне свободный, чуть поодаль, стул. За плечом у начальства, положив мощный кулак на спинку кресла, хмурый, со свисающей на лоб гривой, стоял увалень, в котором я тотчас и нервным чутьем опознал моего Никанора Шамина.

Не решаясь с ходу брать быка за рога, я начал нашу беседу с догадки, не тех ли самых закоренелых церковников только что спровадил он с глаз долой, то и дело досаждавших ему каверзными вопросами типа, если Бога нету, кем тогда обеспечивается устойчивая, без заметного износа, долговечность такой несусветной машинищи, как мироздание.

Выяснилось, что сортом повыше кроткие и душевные старички, сплошь заслуженные деятели разных искусств и наук, проживающие в престижных пансионатах и лишь после долгих хлопот проникшие в служебное капище Шатаницкого, приходили сюда, чтобы от имени всех старожилов земного шара пожаловаться корифею на его ближайшего ученика с кличкой Откуси, который, по столичным слухам, собирался опубликовать диссертацию на крайне скользкую тему. Года три назад сей даровитый паренек, случайно прогуливаясь в дремучих саянских предгорьях, обнаружил под навесом скалы небольшую, полтора на полтора, колонию розоватых, с просинью, на шаткой ножке высотой с палец и, как оказалось, мыслящих грибов. Неизвестно, что именно происходило в них в тот час – месса, митинг или коллективная медитация – но в бормотанье их, если зажмуриться, то ясно прослушивались характерные стридулирующие фонемы раннего санскрита. Они-то и вдохновили даровитого ученого на докторскую диссертацию с заключением, что дрожавшие тогда у ног его в ожидании неминуемой расправы скромные создания являются истинными предками человечества. Напрасно совестливые старцы молили Шатаницкого не смывать библейскую позолоту с молодежи, которая, оказавшись во вседозволенной

срамоте, такие вертепы учредит на родных могилах, что, как говаривали в старину, упокойнички во гробах спасибо скажут, что умерли, – и в крайнем случае, если нельзя отменить приговор науке, то хотя бы малость повысит родословную людишек на уровень гриба съедобного, в пределах от боровика до рыжика. Но тут один из гостей, древней и ядовитей прочих, костяным пальцем пригрозил, что непрерывная пальба по святыням недостижимой дальности кончится однажды соразмерным откатом той же пушки, которая расплющит главного канонира со всей его компашкой заодно.

–... И не успел я кротко посоветовать скандалисту не шалить огнестрельными предметами во избежание вреда для собственного организма, как вся орава ринулась от меня наутек, видимо, оскорбленная кощунственным зачислением в потомство безмозглого гриба. Как видный мыслитель здешнего района скажите, милейший Шамин, ведь правильно я истолковал их досадное бегство, не так ли?

– Кротким-то голосом вы их так застращали, дорогой учитель, – солидно ухмыльнулся Никанор, – что я и сам, пожалуй, враз сообразил бы смыться куда поглубже, чтобы срочно с казенной помощью не переправиться на тот свет.

– Ценная гипотеза, – ироническим кивком похвалил Шатаницкий, – моя попроще. В идеальной утопической разверстке, на века вперед, коммунальная дележка уже теперь лимитных благ пищи и пространства обрекает человечество на неминуемое, в конце концов, измельчание вида до ста миллиардов особей на чашку Петри, и тогда, уплотняясь в бархатистую розовую плесень, оно станет гордиться пусть отдаленным родством с поганкой, которая самостоятельно, хотя и с помощью ветра, летала над землей в поисках ниши для жительства, – плавно заключил он и вопросительно взглянул на меня.

– Моя совсем иная, – отвечал я, – в том плане иная, что старость есть четвертый сезон жизни, когда вдруг внезапная Тишина, и холодеют ноги, и метельные сумерки за окном, и перед выходом в ночь – добавочная минутка для примирения с грибной эфемерностью земного существования...

Но тут, по ходу раздумья, как половчее встроить услышанное в уже созревающий сюжет, меня точно ветром шатнуло в сторону смежных и куда более сложных затруднений.

Если шарлатанская интонация любых суждений корифея, о чем бы ни шла речь, являлась естественным акцентом презрения к нашей действительности, вследствие его затянувшегося пребывания в беспросветной тьме опалы, то чем всякий раз диктовалась его тяга исказить их смысл до абракадабры – произвольным свойством личности, как цветного стекла, даже солнечному лучу придавать свою окраску или сознательным сейчас намерением затруднить мои догадки о причине слишком быстро, в один прием, успеха при вручении заранее предназначенного для меня клада.

Кстати, от попыток разглядеть нечто главное в лице моего визави, стал я испытывать гадкую ломоту в затылке. И когда я, вдоволь наслушавшись балаганной галиматии, осведомился наугад, какие крупные катаклизмы или еще похлеще новинки состоялись за минувший год в окружающем нас астральном архипелаге, тот поведал мне замысловатую байку, завершившуюся в подтверждение моих догадок вручением уже предназначенного мне лоскутовского клада или наваждения.

Оказалось, что услышанная мною уже двухлетней давности важнейшая сенсация века не даром так тщательно охранялась от огласки в силу своей стратегической значи-

мости. Началось с того, что видный сотрудник великого вождя Скуднов Т.И. подарил своей бывшей школе старинный, на трех латунных ножках телескоп. И воодушевленные приближающимся пятидесятилетним юбилеем дарителя ребята единогласно порешили встать на вахту в честь юбиляра и открыть именную звезду соразмерной величины.

С помощью самодельной приставки загадочной конструкции из всякого лабораторного утиля под командой своего наставника Пхе, они пристально обшарили местное небо и с третьего захода в запредельной пучине небес, в созвездии Водолея, обнаружили целый архипелаг неизвестных планет. Сканирующим облетом двух из них, несмотря на густейшее задымление, как у нас, на обеих было обнаружено обилие храмов, заводских корпусов и другой мощной техники, также обширные посевы неизвестного хлебного злака и главное – огненные траектории уже межпланетной перестрелки, что является приметой давно обогнавшей нас суперцивилизации. Спектральный анализ, хотя и обнаруживший в тамошних окрестностях мощные сгустки гуминового существа, плавающие в облаках сильно ионизованного газа (пардон, того же происхождения), не смог показать присущий ему запах, чем выявляется любое массовое скопление организмов. Вспомним Филона Александрийского, прозрачно намекавшего на густую заселенность мира духами стихий, или Гершеля с его проныцательной догадкой о жителях на Солнце – наглядное свидетельство о мощном прозрении больших умов, опережающих свою эпоху.

– А так как людское множество, сопряженное с ростом коммунальных потребностей, определяет логику общественной эволюции – развитую промышленность, мощную рабочую стихию, прибавочную стоимость, борьбу за рынки сбыта, социальный антагонизм, обусловленный перекосом с излишеством и нищетой на флангах и, наконец, бурные приступы революционного самоочищения – всё это призывает вселенскую братию к единству, которое позволит обеим сторонам установить надежные форпосты в глубинах мироздания для совместной хозяйственной деятельности, где мы сможем в обмен на их передовую промышленную технологию поделиться своим обширным опытом массовой культуры, коллективизации и классовой борьбы. И оттого, что природа в сходных условиях при создании тварей стремится повторить свои от века испытанные системы, вроде стереоскопического зрения, пищеварительного потока или при бездорожье куда более надежных, чем колесо, радиально подрессоренных ног и даже зачатков мышления, то несомненно, что и более просвещенные туземцы с помощью дальнобойного, недоступного пока здесь космического зондажа раньше вас успели выявить свое генетическое сходство с вами. Не так ли? – своеобразно вставил корифей, предоставляя мне право выбора альтернативы. – Мои дозорные сообщили, что на днях к нам оттуда инкогнито прибывает загадочная личность, некто Дымков, который под видом чудака, странствующего по смежным галактикам, скупает, выменивает на бусы, монетки и ленточки, коллекционирует мечтания тамошних жителей и, по-видимому, кое-что более ценное заодно, оставляя на память о себе какой-нибудь сюрприз убойного действия. Он направлен не в обличий купца или миссионера, как раньше засылали к аборигенам, а под видом ангела, что при угрозе неизбежной у нас поимки позволяет ему укрыться среди верующего простонародья и даже не исключается – где-нибудь на кладбище у духовного лица. Допускаю, что, как и вы, он постучится ко мне за автографом и, наверно, в поисках дружбы, сразу устроит вам ночную прогулку над Москвой, так что остерегайтесь это-

го пройдохи, Шамин. Кстати, не стоит пренебрегать и показаниями и самого сведущего автора по части миров невидимых, некоего Оригена, что только высшие чины небес состоят из чистого духа, любые прочие же лишены материальности и, значит, при сошествии в нижние этажи стихийно меняют свою предельно разреженную каркасно-циклопическую структуру, построенную из шквальных ливней сверхкоротких излучений, исполинского натяжения темных космических масс, гравитирующих на запредельной скорости, вольных звездных ветров и еще не раскрытых учеными гормональных дуновений вообще откуда-то извне на местную, более скромную, всего лишь атомную инженерную конструкцию. Отсюда, концентрируясь в земные габариты, галактическое долгожительство приобретает видимость бессмертия, а сомасштабно уплотненный творческий потенциал становится даром чудотворенья. Но сама внешность пришельцев оттуда остается стандартно прежней, раз и навсегда проверенный ген, кодирующий их суть и форму, всюду будет один и тот же, отчего при переходе в земные параметры тамошние гиганты и становятся неотличимы от людей. К сожалению, наука бессильна пока объяснить, каким образом те и другие, они и вы, являясь всего лишь костяками энергетических вихрей, таинственно вписаны в работу физических законов, осуществляющих всеобщее равновесие. Недаром кое у кого возникает опасение, что живая клетка, уже давно в обгон мысли и с риском вывернуться наизнанку устремившаяся в беспредельность, сослепу ударится о нечто, спрятанное там, отчего может получиться внезапное и вонючее возгорание, как от спички, смаху чиркнутой о коробок. Ввиду прибытия столь важного, видимо, и неприглашенного гостя возникает ответная необходимость внедрить к ним туда, как и они к нам, целевого наблюдателя, – сказал Шатаницкий и лишь теперь решился представить мне своего подопечного: – Этот даровитый юноша создает большой аналитический труд обо мне, где намеревается доказать современникам и мне в том числе, что я совсем не тот, кем являюсь в действительности, и в случае успеха он станет энциклопедистом по части эзотерических наук и полноправным преемником легендарного Элифаса. И у вас, милейший Шамин, в наличии имеются все данные для блистательного восхождения на вершину, – как бы увлекаясь и даже завидуя Никаноровой младости, стал перечислять он.

– А чего же тут думать? Служба легкая, если на командировочные не поскупились, ходи да гляди, где, что и как, а в промежутках спи-отдыхай, сколько нужно по усталости. Однако доехать в такую даль и месяца в два не уложишься, так что всё дело в харчах, чтобы не скучать в дороге, – не мигнув глазом, мгновенно откликнулся Никанор в манере охламона и пентюха.

– Не беспокойтесь, Шамин, суточные будут по первому разряду и харчей получите достаточно, чтобы не скучать в пути. Славно, что договорились наконец, – дружественным тоном заключил корифей. – Надеюсь, работа ваша движется благотворно. Кстати, передавайте мой поклон дорогому Матвею Петровичу.

На уходе с порога еще разок я оглянулся закрепить в памяти прообраз своего будущего эпизодического персонажа. Но если прежние литературные характеристики павшего ангела Света строились на зыбкой двоякости его противоречий, вроде мудрости и низости, показного обаяния при заманке клиента в западню и мертвой хватки в отношении с клиентами, либо скорбного величия его незаживляемых воспоминаний о безвозвратном и мстительной ненависти к Творцу за разжалованье в

цари местного Мрака, то задуманный мною в качестве адского в нашей стране резидента – неуловимого возраста, мерцающей внешности вообще ускользающий от словесной характеристики иррациональный субъект с недвижной маской безразличия на лице и поднятой ладонью, провожавшей из-за стола гостя, – вдруг представился мне вполне земным существом эпохальной тогда породы, которая посредством лести, оперативности и социально благополучных анкет стремительно, минуя дипломные проверки, достигала номенклатурных высот. Универсальная осведомленность в самых спорных проблемах познания на стыке враждующих мировоззрений создавала ему в глазах толпы ореол корифея передовых наук, а непримиримый скептицизм насчет идейных заблуждений старины, нравственных в особенности, с замахом на непознаваемое, и вдобавок высокомерная, гортанно-лающая страстность персональной неприязни к самой теме, умело низведенной на уровень философической байки для нищих скорее разумом, чем духом, создавали в аудитории впечатление, будто лектор персонально и давно занимается мироустройством человечества под началом кого-то выше и могущественнее, который с момента появления людей находился в серьезных неладах с их создателем.

В совокупности перечисленные достоинства повышали у властей предержавших репутацию корифеевой благонадежности в смысле свойской веры до гробовой доски с правом полной автономности в его ученых дебрях. И тут пронзила меня ошеломительная догадка, что самоуличающий псевдоним *Шатаницкий* служил ему надежным инструментом мимикрии, а псевдокомический камуфляж под Антихриста – прикрытием далеко не карьерной, нелегальной деятельности, которую история еще расшифрует в надлежащем объеме.

Блокнотная запись отставала от беглой лекции корифея, и образовавшиеся пробелы пришлось заполнять впоследствии профанскими домыслами, что явно затрудняет восприятие всей концепции в целом. Чтобы не стать эпигоном в очереди стольких литературных ходатайств за лукавого скорее перед общественным мнением, нежели перед вечным Судьей, автор дал обет представить на суд читателей весь следственный материал в девственном виде, в каком тот достался ему по ходу дознания.

Здесь мелькнуло в уме: не тем ли объяснялись и щедрость дара, и сама по себе подозрительная легкость достигнутой аудитории, чтобы моим пером от лица людей поставить публично через всю вечность им же перекинутый каверзный вопрос Всевышнему – для чего затевалась игра в человека?

Кстати, в тот же вечер накоротке состоялся разговор Никанора с Матвеем Петровичем.

– Вы же встретитесь с ним не для того, чтобы душу продавать, а для того, чтобы с его помощью взглянуть на истину с обратной стороны... Вам не придется тащиться в его логово на шестом этаже. Он сам охотно придет к вам в любое время дня и ночи. Кстати, Дуня сказала мне вчера, что собирается привести к вам Дымкова для личного знакомства, и если бы, как бы по рассеянности, вы назначили обоим столь несовместимым визитерам один и тот же час, то могли бы, присутствуя при их встрече, вывести даже из обоюдного молчания их кое-какие сведения о замыслах непримиримых крайностей.

– Что ж, стоит и впрямь рискнуть для пользы дела в какой-нибудь погожий праздничный денек, – задумчиво произнес Матвей Петрович, имея в виду шумный первомайский праздник, когда общее внимание будет отвлечено от сверхсекретного события.

Глава III

При выходе на улицу мы с Шаминам сразу договорились о времени и месте предстоящих встреч. Кстати, оказалось, что к концу месяца ихний сосед по домику со ставнями, бывший дьякон, переселяется от российской действительности в тихий уголок где-то под Тюменью. Тогда одна из двух, ближайшая к сеним комнатуха его вполне сгодилась бы нам для бесед на лоскутовскую тему. Заодно попутчик мой справился о моих впечатлениях от Шатаницкого, но я уклонился под предлогом слишком малого времени для оценки столь значительной личности и ответил вопросом, каким образом вообще образовался странный симбиоз столь несхожих натур, как он и Шатаницкий. Тут Никанор и посвятил меня в историю их недавней и сомнительной дружбы как активного вдохновителя и таким образом соучастника всех событий, изложенных в моей еще не написанной книге. По словам Шамина, чисто охотничья тяга его к подозрительному корифею обозначилась сразу по прочтении фельетона Бубнилы и не менее памятного эссе Фурункеля, тоже беса, о триумфальном возвращении вчерашнего черта из недавней опалы в реальную академическую среду. В обоих доносных документах, по сходству лексики и почерку мышления написанных почти одновременно и тою же рукой, явно подразумевается тот, о ком речь, – сей подозрительный деятель передовой науки, наотрез отвергаемый ею же самой. Чтобы разгадать такой ребус – зачем понадобилось заведомо несуществующему господину держаться за почтенную номенклатурную должность, Никанор, помимо обязательных для тогдашней молодежи безбожия и бдительности, обладал еще незаурядными качествами настойчивости и проницательности, которые и толкнули его на опасный розыск истины. Вечерком однажды хитрый студент пришел к своему учителю с просьбой автографа на его зачитанной до дыр *Космистике* и по ходу беседы виновато признался в заветной мечте создать портрет корифея в полный рост его личности при условии непосредственного наблюдения вблизи для полноценной обрисовки.

– Тогда скажите, мой юный друг, как вы намереваетесь осуществить свое благородное намеренье – в художественном, скульптурном или даже музыкальном аспекте? – поощрительно осведомился оригинал будущего шедевра, как бы выбирая себе позу и внешность, чтобы пуце не омрачить свой облик в сознании человечества.

– Ни в коем случае, – как бы радуясь удаче, почти вскричал Никанор, – только в словесном оформлении.

Похоже, что корифей соглашался из расчета, что благодарный за опеку простоватый стипендиат посылно, в духе современности, объяснит его неприглядную деятельность, и тогда философские каракули юнца станут весомым документом о неизбежности Зла в мировом процессе. Таким образом, казалось бы, оправдывалась народная молва, что тонкая лесь способна усыпить любые организмы даже потустороннего профиля. По-видимому, корифея настолько встревожили шаминские о нем подозрения, что он не раз пытался выкупить их у своего разоблачителя ценою любой, на выбор, блистательной карьеры впереди, даже дразнил его титулом будущего Колумба галактических территорий, «пока ихние Колумбы не открыли нас», но в таком зловещем тоне, что храбрец на всякий случай прятался в оболочку и лексику охламона и пентюха, притворным смирением защищаясь от чудовища. И тут, не стерпев затянувшейся тихомотины и решась на прямую атаку, Никанор сказал, что его тоже беспокоят участившиеся

пришельцы оттуда, несомненные лазутчики в том числе, и высказал надежду лично словить одного из них, уже затаившегося у нас, пожирней, чтобы выведать тамошние секреты: как ухитряются залетать к нам в такую даль или как без повреждения проходят сквозь каменную стенку, а также другие полезности заодно.

– Что же, на мой взгляд, весьма уместное соображение, – задумчиво сказал Шатаницкий, – если учесть, что человечество приблизилось к финалу отпущенной ему скромной вечности, который для верующих станет огненным апофеозом Судного дня... А для науки – обыкновенной эволюционной вспышкой нашей вселенной, когда она, с разбегу пробившись сквозь нулевую фазу времени и физического бытия, ворвется в иное, еще не освоенное математическое пространство с переносом туда интеллектуальной столицы мироздания. Очевидный теперь крах вчерашней эры завершится неминуемым пересмотром печально не оправдавшей себя парности Добра и Зла за счет полной отмены нашего ведомства и его иерархической системы. А в такой обстановке, сами понимаете, ваши бредни обо мне могли бы причинить крупные неприятности не только нам одним. Прикиньте в уме, как разбушевался бы кремлевский властелин, если бы услышал хоть намек, что под орлиным-то крылышком у него, дотоле мнившего себя грозой глобального империализма, угнездился штабной форпост империализма вселенского. К тому же, если мы периодически сокрушаем святыни и сокровища людей по старинке, с передышками на ремонт развалин, достойных превратиться в пепелище – вечный источник их литургических вдохновений, то доктрина великого вождя работает с непрестанной вибрацией, расшатывая нестерпимым зудом социальной неприязни все общественные и технические устои до молекулярного распада. Сообразите, что он учинил бы нам по отсутствию иного, более прочного и стойкого объекта для утоления ярости, подкинув пломбированную ампулу с наиболее убойным, на России проверенным штаммом бактерий в нашу подземную державу, где наравне с князьями и вельможами имеется такая же шелудивая и, как порох, вспылчивая голытьба, и тогда мощный выплеск старинной лавы из недр земного шара, к тому же изо всех семисот вулканов сразу, доставит значительные неудобства проживающим на его поверхности.

В ответ на мое молчаливое недоумение, зачем ему понадобилась только что услышанная путаная галиматья вроде бы ни о чем, Шамин счел долгом своим как гида иносказательно предупредить меня о досадных последствиях нашего вторжения в довольно сложную лоскутовскую эпопею, точнее эпопею, с учетом собственных его наивных богословских заблуждений ради посылного оправдания бесчисленных бедствий, ниспосылаемых людям под видом огненной ласки Божией. В том и заключается опасность, что самые запретные тайны, добываемые раскопками в свыше заминированной местности, взрываются так быстро, что смельчак, успевший осмыслить ценность добытых сокровищ, не успевает поделиться ими со своими современниками в силу своего исчезновения.

– Но не страшно вам ледяной рукой самим шарить эти же тайны под мышкой у вашего шефа Шатаницкого? – спросил я.

– Но у меня имеется надежный аргумент в защиту, который я случайно, вслед за Шатаницким, обронил давеча, но вы не заметили его. Этот аргумент ведет меня напрямки к разгадке, почему *он*, некто несуществующий, прячется от другого, почти такого же, как сам он, реально не существующего.

– От кого же, по вашим предположениям? Вы уже знаете?

– Я знаю только то, что вы успели вложить в меня, приглашая в свою команду. Дальнейшее я буду вам докладывать по мере моего вызревания в вашем воображении. Чутьем я уже понимаю, кто персонально имеется в виду. При расставанье сегодня он пригласил меня зайти к нему на квартиру с расчетом показать себя мне поровну в обеих ипостасях реальности и нереальности, приспособительно к моему низшему интеллекту, чтобы заслониться мною от такого же, для нас с вами реально не существующего.

– Ага, признали наконец даже царственное величие того, чье существование только что отвергали?

– Всё правдоподобно о неизвестном, недоступном нашему воображению. Покамест я только возвращаю потомкам их законное право творить, как выразился ваш лесник Вихров, толкуя на свой лад речение Августина, что «чудо не противоречит природе, чудо противоречит лишь тому, что мы о ней знаем», – четко, вразбивку, как по книжке, прочел Никанор, в неожиданно новом облике представляя предо мною: – Поймите, дорогой Леонид Максимович, я не могу логически уложиться в это дело. Есть какая-то другая пара другой надмирной реальности.

К тому времени как раз подошел мой автобус, и Никанор успел спросить меня напоследок: «Я не рассердил вас своей защитительной речью? На всякий случай вы могли бы заслониться от грозящих вам опасностей, перекантавав их на кого-нибудь из окружающих по вашему выбору».

– Благодарю вас. Непременно воспользуюсь вашим советом защититься средствами моего ремесла, – сказал я, уже вскочив на подножку автобуса.

Глава IV

Скоропроходящей славой певцов и других деятелей, наделенных, скажем, ораторской гортанью, отмечен тернистый путь дьякона Никона Аблаева. Уцелевшие от рассеяния старо-федосеевские прихожане, наверно, помнят первозданные рокоты, подобно меди звенящей извергавшиеся из него как на ектениях – по мере приближения к *странствующим* и *путешествующим*, так и на знаменитых его многолетиях, в особенности ценившихся в купеческой среде, даже из других приходов. Ценителями был пущен слух, будто большой колокол у Параскевы Пятницы, что еще красовалась тогда в Охотном ряду, является родным братом дьякона, коего якобы отливали в один с ним прием, из остатков сплава, что похоже на преувеличенье, хотя и лестное. Во всяком случае, неизгладимый трепет переполнял сердца молящихся, когда, совершая кажденья, продвигался он сквозь них в громадном, цвета морской пучины серебротканом стихаре при стоячих, как во смерче, волосах; отчего и в крещенские морозы мог не пользоваться шапкой. По скромности ума воздерживался он от мышления вслух, так что и, оскользнувшись в житейское ничтожество, сохранял библейское достоинство и несколько китовье обличье по причине широты лица и массивности телосложения. Кроме того Никон Аблаев, опора многочисленной по тому времени родни, являл собой образец кротости, простодушия и доброты.

Наличное его семейство состояло из малолетних двойняшек от рано умершей жены и жилистой и безответной тетки, на которой всё и крутилось, как на подшипнике, да еще одно время из младшей его же сестры-монашки, отпущенной на братнее иждивение из колонии исправительной. По счастью, Бог ее прибрал как раз к сроку, когда в одну из трех занимаемых ими каморок переселились Шамины, отец с сыном, из сторевшей сторожки. Не старая и еще миловидная, она угасла к началу старо-федосеевского разорения скорее от скорби нежели истощения, подкинув взамен себя брату на руки сынишку семи годков. Сей худенький мальчик Сергей, всем виновато улыбающийся, словно сознавая преступность своего появления на свет, и завершал собою смирную, совсем неслышную, однако при скудном достатке довольно прожорливую ораву. Не умея накормить ее, дьякон подобно сказочному богатырю оказался на распутьи – податься ли ему в бухгалтеры, грабители или нищие? По врожденной неспособности к ответственной цифири счетное дело отпадало само собой; ремесло с кистенем более подходило к его телосложению, но отвращало периодическим пролитием крови, а столь отягчающие обстоятельства, как здоровье и внешность, затрудняли прошение милостыни. При виде надвигающихся туч Никон Аблаев предпринимал обход близлежащих казенных мест в поисках какой-либо непрерывной и несложной должности, ибо Господь избавил его от общеизвестных огорчений, связанных в ту пору с избытком ума или образования. Естественно, нигде не проходило бесследно появление на пороге столь архаической фигуры – ростом под потолок, в широчайшем кожаном поясе и с можжевелевой клюшкой, в заграничных пьексах с загнутыми вверх носками.

Похоже, жалким юморком балаганного вторжения дьякон рассчитывал смягчить свою социальную неприкасаемость, даровым развлечением приобрести милость чиновника; самое невинное сношенье с лишенцем грозило тому суровым взысканием. Однако смешливое, втайне сочувственное оживленье скоро угасло, а в противность правилу, обратная аблаевская дорога домой становилась втрое длиннее... Конечно, на обширной тогдашней стройке легко нашлось бы занятие попроще для пары лишних, еще крепких рук, кабы не постоянные, чисто сатанинские препятствия, словно чьей-то нечеловеческой воле и власти требовалось перед неминуемой дьяконской гибелью, как он сам про себя пошутил, побрить тупой железкой свою жертву наголо.

Судьба нередко старается скрасить прискорбные обстоятельства существования безобидной с виду шуткой. Кстати, о пьексах; тогда же в самом начале тридцатых годов, в зимнюю полночь однажды к Лоскутовым постучался бывший член приходского совета – некто Подшибякин и в доверительной, с глазу на глаз, беседе сообщил о состоявшемся у них с женой решении прекратить жизнь посредством самоудушенья дровяным угаром. (За неделю перед тем начался месячник штурма на частную торговлю, и останки от богатейшего подшибякинского магазина спортивных товаров подверглись отчуждению в пользу районного спортактива). На что о.Матвей уместно применил пастырское увещание, раскрыв отчаявшимся супругам красоту жизни, также указал на несовместимость веры и отчаянья. Признательные за спасение – лишь бы Коминтерну не досталось! – владельцы в ту же ночь доставили в Старо-Федосеево на салазках часть утаенного имущества в составе трех пар финских лыж, а в придачу к ним объемистый куль разномерной обуви, годной и для носки в быту, кроме того непочатый ящик чего-то, матушке показалось – по весу, не иначе как толкательных чугунных шаров...